

преподаватель кафедры философии и общественных наук Винницкого национального медицинского университета им. Н.И. Пирогова, магистрант философского факультета Киевского национального университета им. Т. Шевченко

ПОЛИТИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ СКИФО-САРМАТИЗМ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ

Аннотация. Статья знакомит читателя с принципом политико-антропологического моделирования социальной интеграции, построенным на исследовании исторической (историографической) мифологии. Автор исследует трактовки классиков национально-исторических школ России и Украины древнего прошлого Евразийского месторазвития. На широком историографическом материале «евразийцев» демонстрируется интеграционный потенциал классических трудов и сочинений, относящихся к исследованию пространственной общности судеб скифо-сарматского этнокультурного объединения.

Ключевые слова: скифы, сарматы, историография, политическая антропология, социальная интеграция, Евразийское месторазвитие.

Введение

Политическая антропология – это учение об идейном и идеологическом развитии традиционных форм политического устройства в историческом процессе, имеющее непосредственное отношение к современному состоянию политической практики на уровне этноса и государства [23, с. 348]. Изучая традиции, как основу политической культуры, политантропология призвана направлять всю систему политических наук в сторону осуществления главной политологической цели – успешного развития государственности [21]. В нашем случае речь идет о целой сети государственных организмов, объединенной сверхгосударственной евразийской общностью.

Задача политической антропологии: поиск первичных форм государственной организации в историческом процессе исследуемого этноса (или же суперэтноса). С точки зрения современной теории государства, первым социально-политическим организмом на территории Украины, Белоруссии и Российской Федерации, попадающим под определение «государство», является Скифское политическое объединение (Скифия) [2; 7; 8]. Г. Вернадский подчеркивал: «историческое основание Российского государства создано было скифами» [7, с. 30]. Исключительное значение скифского периода для дальнейшего развития государственности на евразийской территории описывал М. Грушевский [10], который придерживался концепции конфронтации земледельцев и кочевников в восточноевропейском прошлом. Его схема этногенеза украинцев построена на противостоянии лесного и степного населения [10; 16]. Первая удачная критика этой теории в украинской историографии была сделана М. Ю. Брайчевским [5], обосновавшим теорию общежития леса и степи, в рамках которой восточные славяне являются носителями миссии культурной кооперации «Востока» и «Запада». Он писал о значительной роли половцев в древнерусском этногенезе, о заимствовании русичами отдельных политических обычаев кочевников.

Интеллектуальным и мировоззренческим аналогом идей украинского ученого М. Ю. Брайчевского в российской историографии выступают теоретические построения Л. Н. Гумилева [11; 12; 13; 14]. Если Брайчевский просто подчеркивал большое значение кочевников в формировании киевско-русской политической культуры, то Гумилев обратился напрямую к истории киммерийцев, скифов и сарматов. Его монография «Древняя Русь и Великая Степь» научно обосновала теорию взаимодействия различных геоландшафтов (леса и степи) в исторической жизни восточных славян [13].

Гипотеза

Поскольку теория политического евразийства предполагает наличие суперэтнической общности («евразийцев»), политологам необходимо задуматься над определением времени и места происхождения евразийской идентичности. Полезным лейтмотивом для этой работы может стать определение исторической канвы политической мифологии евразийства. Ведь не является особым секретом, что любая идентичность (в том числе, суперэтническая) строится на мифах / мифологемах (в частности, историографических) [15]. Психологические конструкции мифологического типа определяют трансформации глубинной исторической памяти и конституируют коллективное самосознание.

Базируясь на тщательной обработке классической национально-исторической литературы (в первую очередь, российской, украинской и белорусской), мы предлагаем считать «скифо-сарматизм» первым евразийским политическим мифом. Для всех восточнославянских исторических школ характерен одинаковый взгляд на роль скифов и сарматов в процессе дальнейшей политической эволюции евразийских народностей [17; 19; 24; 26]. В подчеркнуто уважительном отношении классической историографии к скифскому и сарматскому миру, заметны черты политической мифологии [18]. Во-первых, любой традиционный курс восточнославянской политической истории всегда начинается с разграничения степи (кочевников) и леса (земледельцев). Ведущую позицию здесь, соответственно, занимают политические отношения и экономические контакты между скифами/сарматами и славянами (также германцами, финнами, уграми и прочими обитателями Восточноевропейской равнины). Все это свидетельствует о том, что исторический нарратив восточных славян невозможен без «скифского начала». Во-вторых, любой исторический курс, строится на методе сопоставления «леса и степи». В академической исторической науке принято рассматривать смену кочевников на территории Евразийской степи как некий преемственный процесс. Вся историческая хронология восточных славян состоит из разных типов и стадий общения между земледельцами и кочевниками. Где-то они воевали, где-то мирно сосуществовали. Но, в любом случае, кочевники и земледельцы евразийского пространства оказывались комплиментарными и взаимозависимыми в контексте построения собственных идентичностей [24].

Таким образом, мы выдвигаем тезисы:

- a) евразийская идентичность невозможна без соединения двух географических мировоззрений – кочевого и земледельческого (степного и лесного).
- b) классическая историография сделала очень много для создания нарратива общей исторической судьбы евразийских народов, разработав теорию единого Скифского мира (так называемую «скифо-сарматскую этногенетическую теорию»).
- c) социально-психологическое одобрение «общего скифского происхождения» может быть использовано идеологами евразийства как дополнительная интеграционная составляющая при разработке соответствующих учебных и академических курсов, просветительских мероприятий и массово-информационных программ.
- d) современное политическое евразийство нуждается в обосновании целостной теории социальной интеграции. Это актуально в связи с рядом кризисных и дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Методы

Определяя скифо-сарматизм в качестве историографического средства евразийской интеграции, считаем, что его политологическое изучение должно происходить в трёх направлениях:

- a) скифо-сарматизм как пространственная политическая мифологема;
- b) скифо-сарматизм как психологический стереотип исторического мышления;

с) скифо-сарматизм как этногенетическая теория.

Совершая сравнительный анализ историографических концепций Л. Гумилева, О. Прицака, М. Брайчевского, Я. Дашкевича, П. Савицкого, Г. Вернадского, М. Грушевского, мы применяем методологию географического детерминизма, хрономический принцип Л. Берга, принцип этнической мозаичности Л. Гумилева, динамичный подход С. Соловьева. Главным критерием для причисления народности к евразийскому суперэтносу, вслед за П. Савицким, считаем историческое месторазвитие. Евразийская социальная интеграция, в свою очередь, понимается нами как формат ценностно-нормативного усвоения стереотипов мышления и ментальных моделей поведения.

Результаты и обсуждение

а) Классические труды по скифо-сарматизму

Л. Гумилев и М. Брайчевский – идеологи политического, культурного и этногенетического общежития славянских земледельцев и кочевников (индоиранского, монгольского, тюркского происхождения). На наш взгляд, наибольшее влияние на становление концепции «общей исторической судьбы» кочевников и земледельцев Евразии оказали ранние монографические труды Л. Н. Гумилева (1912-1992) [21]. Для определения пространственной локации скифо-сарматского политического мифа важной является статья Гумилева «Ритмы Евразии» (1992), в которой автор сделал замечание: «неповторимое сочетание ландшафтов, в котором сложился тот или иной этнос, определяет его своеобразие – поведенческое и во многом даже культурное. Таким образом, если мы хотим получить представление об этносе, нам нужны этногеографические исследования – выделение и изучение его месторазвития» [12, с. 6-7]. Согласно концепции Гумилева, скифо-сарматизм может быть назван ярким цивилизационным примером психологического закрепления политической мифологемы в коллективном сознании суперэтноса [11, с. 40-42]. Психологическое самоосмысление коллективного «я» в качестве наследников Скифского мира есть признак наличия и бытования единой евразийской исторической памяти [1].

Нельзя обойти также труды географа, философа, экономиста, геополитика, идеолога российского евразийства Петра Савицкого (1895-1968). Прежде всего, важна идея Савицкого о структурно-логической последовательности взаимодействия между кочевниками и земледельцами в истории народов бывшей Российской империи [25, с. 292-295]. Он считает «скифство» основой мышления евразийских народов, базисом этнической психологии. Теоретически ценными являются концепции «периодической ритмики государствообразующего процесса Евразии» и «скифской войны». П. Н. Савицкий пишет: «Евразийскому миру присущ особый тип оборонительных кампаний («скифская война»). В этом смысле история похода в Украину Карла XII так же, как история 1812 года, и, наверное, и некоторые события 1918-1920 годов (немцы в Ростове, поляки в Киеве) имеют собственную предысторию в виде похода царя Кира Персидского на массагетов, Дария Гистаспа на скифов, персидского царя (Сасанидов) Фируза на гуннов-эфталитов и Витовта на татар (1399)» [29]. Савицкий вводит в научный обиход термин «политическая традиция скифов» относительно имперских нужд России. Отметим, что П. Н. Савицкий часто упоминает «цивилизационное родство» народов Евразии «от Монголии и Тихого океана и до Вислы и Карпат».

Многие представители академической науки критикуют идеи Гумилева и Савицкого за смелость построений. Исходя из практического опыта исследований исторической памяти, мы считаем подход Гумилева/Савицкого оправданным. Во-первых, он приносит пользу, систематизируя социальные исторические представления. Во-вторых, указанный подход находит гораздо больше положительных откликов в читательской среде, что наталкивает на предположение об органической связи между изложенной концепцией и общественным восприятием. Хотя наработки Гумилева/Савицкого иногда страдают академически из-за свободного обращения с некоторыми фактами, но зато выигрывают политически благодаря

удобству для восприятия. Мы считаем это «удобство восприятия» возможной формой проявления исторической памяти.

С позиций природно-географической концепции схожие идеи разрабатывал также и Г.В. Вернадский. Так, в книге «Начертание русской истории» (1927), Г. Вернадский предложил интересную, с точки зрения современной политологии, схему периодической ритмичности процесса государственного образования в Евразии. Эту схему он представляет со времен Скифского государства. Дальнейший исторический процесс для всех народов бывшей Российской империи Вернадский делит на четыре периода трансформации единой империи в систему государств. Основными этногенетическими и политическими силами евразийской истории Вернадский называет Скифское государство, Гуннскую империю, Монгольскую империю и Российскую империю [7, с. 18]. История Скифского государства VII-III вв. до н. э., по мнению Вернадского, «запускает» стандарт для дальнейшей эволюции Евразии. Скифы не смогли создать единой этнической системы, но их заслуга заключается в создании крепкого государства мирового значения (по крайней мере, для тогдашней древнегреческой ойкумены) с собственной политической протоидентичностью. Само слово «скифы» трансформировалось из этнонима в название населения древних территорий России, Белоруссии и Украины, а также нашло свое место в политическом сознании жителей Киевской Руси [5; 10], Великого княжества Литовского и Речи Посполитой [20; 28].

Аутентичный Скифский мир исполнял роль посредника между Древней Грецией и Китаем [25]. Через Скифский мир в Европу попадал китайский шелк [7]. Георгий Вернадский видел в степных народах и империях Евразии фактор сочетания Китая и Европы. Он писал: «Степь и пустыня в этом отношении могут быть сопоставимы с морем – они имели такое же соединительное значение для отрезанных друг от друга частей твердой культуры (земледельческо-приморской)... Перед началом нашей эры такую роль соединительного элемента между Черным Морем, Кавказом и Хорезмом играли скифы» [7, с. 29-30]. Так, согласно концепции Г.В. Вернадского, соединялся Древний Китай и Древняя Европа.

Мы обращаем особое внимание читателей на коммуникационную функцию Скифского мира, подмеченную Вернадским. Цивилизация евразийцев родилась как освоение торговых потоков – речных бассейнов и степных путей. Если эллины изначально эксплуатировали морские системы, а древние китайцы предприимчиво соединяли горы, реки, моря, то евразийцы доминировали в степях и пустынях. Контролируя пустынную местность, кочевники контактировали с лесными племенами. «Зарабатывая» на транзитной торговле, скифы/сарматы обменивали излишки на технические приспособления и ремесленные товары, произведенные в лесной зоне. Экономическая база евразийской цивилизации сформировалась на грани (!) леса и степи.

Для Г. Вернадского и Л. Гумилева, «Скифская империя», «Сарматия», «Гуннская империя» (кочевые образования!) являются идеологическим наследием, на их основе родилась и политически состоялась российская государственность. Российскую имперскую традицию Г.В. Вернадский называет следствием психологической адаптации скифо-сарматской политической традиции, смысл которой заключается в интеграции геопространственных категорий «степь» и «лес». Профессору Вернадскому удалось построить логическую концепцию политико-географической эволюции от Великой Скифии до СССР. Л.Н. Гумилев добавил важное положение о существовании суперэтносов и мозаичности этносферы. Таким образом, благодаря трудам Г. Вернадского и Л. Гумилева, евразийство определило корни своего мировоззрения в Скифии и Сарматии.

Для евразийства скифо-сарматизм явился своевременной возможностью объяснить необходимость сосуществования отдельных этносов на крупнейшей в мире территории согласно исторической традиции «мозаичности этносферы». Для украинской национальной

историографии, скифо-сарматизм превратился в метод доказательства непрерывности государственного строительства, функцию политической традиции. Свою огромную роль скифо-сарматизм сыграл также для польской романтической историографии, которая ещё во времена Речи Посполитой называла себя «голосом сарматского мира» [28]. Следовательно, дискурс скифо-сарматизма – это дискурс не вокруг наследия, а вокруг его восприятия. Миф является составной частью реальности, формирует наше отношение к событиям будущего [2]. Одинаково теплый «прием» оказанный скифскому периоду национально-историческими школами постсоветского/постимперского пространства есть подсознательным психологическим проявлением цивилизационной общности. В этом контексте, снова действует принцип «удобства восприятия», благодаря которому можно разделить историческую память (субъективный социальный феномен, часто выраженный в мифологических формах) и факты истории (объективный предмет академического анализа).

Среди украинских авторов, рекламой идеологии евразийства стал Омелян Прицак (1919-2006) [16, с. 712-716]. Прицак был евразийцем по цивилизационно-культурному признаку, пребывая на позициях восточной ориентации украинской этнической и политической истории. Он создал предпосылки для украинской концепции политико-исторического синтеза традиционного окцидентализма и генетического ориентализма, доработанной Ярославом Дашкевичем (1926-2010). Евразийская концепция Прицака/Дашкевича, на наш взгляд, не оценена по достоинству. Ведь синтетическое понимание истории Я. Дашкевича обозначило контуры взаимодействия между исторической памятью и фактом истории [16]. Политическое осмысление событий прошлого обладает прогностическим потенциалом, что заставляет конструировать актуальную социальную идентичность, учитывая как мифологизированную память, так и фактическую реальность.

б) Географическая детерминация социальной интеграции

Обработка классической историографии показывает, что скифо-сарматизм, как начальная черта евразийства, распространился в рамках конкретного месторазвития (Евразии). Можно предположить, что и скифо-сарматизм, и евразийство отражают психологическую общность территориальной локации – географического ландшафта. Выдающийся географ Л.С. Берг писал: «Географический ландшафт воздействует на организм принудительно, заставляя всех особей варьировать в определенном направлении... Тундра, лес, степь, пустыня, горы, водная среда, жизнь на островах и т. д. – все это накладывает особый отпечаток на организмы» [4, с. 180-181]. В контексте разработок Л. Берга, «секрет» глубинного социально-психологического единства евразийского суперэтноса, состоит в специфичной географической среде (на границах леса и степи).

Человеческая жизнедеятельность – процесс перманентного приспособления [6; 9]. Соматическая адаптация человека по классификации Берга, может быть физиологической (на индивидуальном уровне), биологической (на видовом уровне) и генетической (на наследственном уровне) [3; 11]. Психическая адаптация человека – результат индивидуальной, коллективной и также генетической адаптации [22]. Для политико-антропологического дискурса важным фактором является адаптация человека к определенной культуре (иначе «адаптация индивида в этноландшафте») [3; 39]. Восприятие хрономического принципа Л. Берга – характерная черта всех евразийцев. Г. Вернадский превратил хрономический принцип в собственную концепцию «месторазвития», обозначающую «цивилизационную целостность ландшафта и общности»: «В разные исторические периоды и при разных степенях культуры человеческих обществ разная совокупность социально-исторических и географических признаков образует различные месторазвития в пределах той же географической территории» [7, с. 10].

Месторазвитие, как географическая среда обитания общности, обеспечивает своеобразную и неповторимую динамику этнической жизни. На наш взгляд, первым в отечественной историографии к такому выводу пришел С. М. Соловьев [27, с. 6-7]. Он считал, что динамика этнической жизни связана с характером внешних процессов (влияние среды на общность) и внутренних (коммуникация между племенами). Скифо-сарматский миф (как теория общего происхождения народов на территории между Тихим Океаном и Вислой) – это один из многочисленных психологических продуктов такой динамики.

Для всех евразийцев характерно утверждение, что государственность этноса (или суперэтноса) может быть успешной только при наличии собственного неизменного месторазвития. Месторазвитие и движение кооперируют между собой этнические организмы в суперэтносы (по Л.Н. Гумилеву), культурные империи (по Г.В. Вернадскому) или цивилизации (по С.М. Соловьеву). Поскольку современная историческая наука представляет собой кипящий котел терминологических противоречий, мы считаем самым удачным понятие «цивилизация» (применительно к Евразийскому месторазвитию). В этом нет специального культурологического или социологического значения (так как все евразийские народности обладают различными локальными культурами), но так правильно политически (Евразийское месторазвитие как политическая и экономическая совокупность разных народов).

С другой стороны, специальные академические исследования должны учитывать не удобство восприятия (политическое значение), а факты истории. Ведь скифо-сарматизм развился как социально-психологическая реакция народов Евразии на процесс формирования суперэтнической общности. Он стал базисом для информационного обмена, извечно сопровождающего торговые связи. Со временем скифо-сарматизм как форма глубинной исторической памяти, трансформировался в политический миф – систему академических и повседневных стереотипов социального мышления. Эта система развивается и проявляется различно на локальном этническом уровне, но главный её суперэтнический компонент состоит в признании скифов/сарматов своими предками (даже если историческая реальность свидетельствует об обратном).

Поскольку суперэтнос формируется месторазвитием, программа евразийской социальной интеграции должна учитывать фактор исторической географии. Лишь те народности, которые традиционно находились в орбите имперского сообщества, могут быть полноценно реинтегрированы. Политическим стратегам необходимо больше внимания уделять историческим контекстам. Новый виток евразийской политической интеграции будет успешен лишь в той этнической и психологической среде, где живет ощущение традиционности такого союзного/имперского устройства. Поддерживая подход ценностно-нормативного усвоения (главной действующей силы для социальной интеграции этнических организмов), предлагаем использовать политико-антропологическое понимание хрономического принципа с целью создания концепции решения насущной социальной проблемы. Политические традиции имеют свойство трансформироваться под воздействием внешних сил. Вот почему их нужно поддерживать. Опираясь на предложенные теоретические положения, необходимо смоделировать межгосударственную просветительно-образовательную концепцию, которая будет популяризоваться средствами массовой информации, использоваться при написании учебников/пособий для средних и высших образовательных учреждений.

Так или иначе, но актуальной задачей для политических антропологов остается анализ важной этногенетической составляющей евразийского политического сознания – скифо-сарматского мифа на предмет его пригодности для создания идеологической базы социальной интеграции внутри Евразийского пространства.

Благодарности

Автор виражає признательність рецензентам – доктору філософських наук, професору Ф.М. Кирилюку і ведучому науковому співробітнику Інститута всесвітньої історії НАН України А.К. Скаленко.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф. Нарративная логика: семантический анализ языка историков. / Франк Анкерсмит. – М.: Идея-Пресс, 2003. – 360 с.
2. Баландьє Жорж. Політична антропологія. / Жорж Баландьє. – Київ: Альтерпрес, 2002. – 252 с.
3. Берг Л. С. Номогенез. / Л. С. Берг. – Петроград, 1922. – 306 с.
4. Берг Л. С. Климат и жизнь. / Л. С. Берг. – М., 1947. – 196 с.
5. Брайчевський М. Ю. Суспільно-політичні рухи в Київській Русі. / М. Ю. Брайчевський. Вибране. Т. 1. — К.: Видавництво імені Олени Теліги, 2009. – 720 с.
6. Бучинский И. Е. Очерки климата Русской равнины в историческую эпоху. / И. Е. Бучинский. – Л., 1957. – 88 с.
7. Вернадский Г. Начертание русской истории. / Г. В. Вернадский. – М.: Алгоритм, 2008. – 336 с.
8. Вівчарик М. М. Україна: від етносу до нації. / М. М. Вівчарик. – Київ: Вища школа, 2004. – 239 с.
9. Вовк Х. Студії з української етнографії та антропології. / Х. Вовк. – К., 1995. – 336 с.
10. Грушевський М. С. Історія України-Руси: том 1. / М. С. Грушевський. – К.: Наукова думка, 1991. – 650 с.
11. Гумилев Л. Н. О соотношении природы и общества согласно данным исторической географии и этнологии. / Л. Н. Гумилев. // Вестник Ленинградского Государственного Университета. – 1970. – № 24. – С. 39-49.
12. Гумилев Л. Н. Три китайских царства. / Л. Н. Гумилев. – М.: Алгоритм, 2011. – 272 с.
13. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. / Л. Гумилев. – М.: Айрис-пресс, 2011. – 736 с.
14. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. / Л. Н. Гумилев – М.: Айрис-пресс, 2012. – 560 с.
15. Данилюк І. Етнічна психологія як галузь наукового знання: історико-теоретичний вимір. / І. Данилюк. – К., 2010. – 432 с.
16. Дашкевич Я. Р. Постаті: Нариси про дічів історії, політики, культури. / Я. Р. Дашкевич, Львівське відділення ІУАД ім. М. С. Грушевського НАНУ. – 3-тє вид., доповн. – Львів: Літературна агенція «Піраміда», 2016. – 924 с.
17. Демчук Р. В. Український «сарматизм» як алгоритм організації спільноти. / Р. В. Демчук. // Магістеріум. – 2011. – Вип. 42: Культурологія. – с. 33-40.
18. Кикешев Н. И. Истоки славянской цивилизации. / Н. И. Кикешев. – М.: Институт русской цивилизации, 2016. – 912 с.
19. Кресін О. Український сарматизм. / Олексій Кресін. // Мала енциклопедія етнодержавознавства. – К.: Генеза, 1996. – с. 136.
20. Липинський В. Участь шляхти у великому українському повстанні під проводом Богдана Хмельницького. / В. Липинський. – Філадельфія, 1980. – ХСVIII+638 с.
21. Мельник В. М. Нариси з теорії соціокультурної антропології. / В. М. Мельник. – Вінниця: ТОВ «Вінницька міська друкарня», 2015. – 552 с.
22. Мельник В. М. «Український варіант капіталізму»: аналіз і перспективи. / В. М. Мельник. // Еко. Всеросійський економічний журнал. – №3. – 2016. – с. 126-141.
23. Мельник В. М. Теоретична конструкція політичної антропології. / В. М. Мельник. // Гілея: науковий вісник. Збірник наукових праць. – К.: Видавництво «Гілея», 2016. – Випуск 113 (10). – с. 348-360.
24. Мурзин В. Ю. Скифская проблема глазами автора. / В. Ю. Мурзин. – К.: Видавець Олег Філюк, 2014. – 120 с.
25. Савицкий П. Н. Геополитические заметки по русской истории. / П. Н. Савицкий. // Г. В. Вернадский. Начертание русской истории. – М.: Алгоритм, 2008. – с. 292-331.
26. Сас П. М. Сарматизм. / П. М. Сас. // Енциклопедія історії України. Том 9. Київ: Наукова думка, 2012. – с. 459-460.
27. Соловьев С. М. Наблюдения над исторической жизнью народов. / С. М. Соловьев. – М.: Астрель, 2003. – 511 с.
28. Ulewicz T. Sarmacja: studium z problematyki slowianskiej XV I XVI w. / Tadeusz Ulewicz. – Krakow: Uniwersytet Jagiellonski, 1950. – 212 p.